

Посвящается З.
fortunati amoris divinatione
Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе —
охранять тебя на всех путях твоих

Благодарности

Для этой книги потребовалось много времени и смелости. Мне повезло, что рядом со мной были люди, которые позаботились о том, чтобы и того и другого было в достатке. Без них я, вероятно, никогда бы не смогла взяться за столь амбициозный проект. У меня в планах было несколько довольно ограниченных книжных проектов, связанных с Китаем и Японией, но в 2004 году представилась неожиданная возможность: благодаря долгожданной и вдохновляющей поездке в Грецию с моим мужем Золти и моими родителями, а также благодаря конференции на тему транскультуральной истории литературы, — организованной шведской исследовательской группой на вилле Бревик в пригороде Стокгольма, где я за неимением лучшего представила доклад о древнеяпонских и латинских попытках написания истории литературы, — я поняла, что эта книга должна быть написана. Мне захотелось загладить свою вину перед своими грозными учителями латыни и древнегреческого в Гуманистической гимназии имени Макса Планка в моем родном городе Геттингене, которые с детства привили мне любовь к грамматике, а также к греческой и латинской литературе еще до того, как я смогла произнести хоть слово на любом другом иностранном языке, помимо моего родного немецкого, а именно: перед покойным Фрицем Таммом, Хельгой Штрёляйн, Оскаром Маттнером, Вольфгангом Фаутом и Оттой Венкус. Я чувствовала, что обманула их ожидания, переключившись на изучение классического Китая и Японии, вместо того чтобы оставаться со своим страстным интересом в области изучения классической древности.

Но одной идеи было недостаточно. Чтобы продолжить работу над сравнением китайско-японской и греко-римской культурных

конstellляций, я нуждалась в поддержке, и здесь я не могла рассчитывать на какие-либо предыдущие новаторские исследования. На протяжении всего этого времени Золти был самым энергичным поклонником моего проекта; Дэвид Дамрош с воодушевлением поддерживал меня, когда путь был тернист; Майкл Пьюэтт был всегда вдохновляющим сторонником смелой сравнительной работы; а положительная реакция на первые главы от Вай-Йи Ли, Катарины Фолк и Стивена Оуэна вселила в меня еще бóльшую уверенность в том, что из этого может что-то получиться. Конференция на тему «Translatio: Перевод и культурная апроприация в древнем мире», которую мы с Дэвидом организовали в Колумбийском университете в 2006 году, подтвердила впечатление, что исследователи греко-римской, ближневосточной и индийской древности с большим нетерпением задаются новым набором интересных сравнительных вопросов. Казалось, зарождается новая волна.

Получив поддержку по многим направлениям, я, к счастью для себя, смогла проводить время во вдохновляющих сообществах, что позволило мне посвятить всю себя этому проекту. Пребывание в обществе стипендиатов Колумбийского университета под руководством Дэвида Джонстона имело решающее значение для начального этапа сбора материала. Во время моего пребывания в качестве стипендиата в Принстонском институте перспективных исследований, благодаря Фонду Эндрю Меллона (Mellon Foundation), проект вышел на новый уровень. Я благодарю ректора Лиз Бойлан и заведующую кафедрой Рэйчел МакДермотт за то, что позволили мне провести это время вне колледжа Барнард. Беседы с Никола ди Космо, Генрихом фон Штаденом, Кэролайн Байнум, Дэном Поттсом, Денисом Фини и Беном Элманом подсказали мне путь. Я могу только извиниться перед Патрисией Кроун за то, что не последовала ее настоятельному предложению включить в эпилог персидско-арабскую перспективу; но поучительные отклики и расхождения с китайско-японской и греко-римской конstellляциями остаются в поле моего зрения. Постоянная поддержка Сато Митио в рамках четырехлетнего проекта «Центр повышения мастерства» в Университете Кэйо в Токио

позволила мне погрузиться во множество сложных, но интересных текстов на *камбуне*. Гостеприимство Сузуки Садами в Международном исследовательском центре японоведения в Киото (Нитибункен), а также стипендия Японского фонда сделали возможным мое путешествие из Токио в древнюю столицу и ее ученые сообщества. А благодаря Кармеле Вирчилло Франклин и моему пребыванию в Американской академии в Риме я смогла сменить роль и по-новому взглянуть на Киото из Рима.

Эта книга была написана под влиянием нескольких параллельно развивавшихся проектов: работа над «Нортоновской антологией мировой литературы» («Norton Anthology of World Literature», 3-е издание, 2012) с Питом Саймоном, Мартином Пачнером и нашей небольшой группой редакторов стала для меня незабываемым путешествием впечатляющего размаха. Вдохновляющая поддержка Альберта Хоффштедта в издательстве Brill, оказываемая новой книжной серией «Сравнительная литература и культура Восточной Азии» («East Asian Comparative Literature and Culture»), редакторами которой являемся мы с Чжан Лунси, помогла создать новую площадку для кросс-культурных сравнительных исследований с восточноазиатским компонентом, что, надеюсь, послужит толчком к дальнейшему диалогу, который я пытаюсь начать в этой книге. Дискуссии и семинары с моим коллегой Сунилом Шармой и рабочей группой нашей «Программы сравнительных исследований досовременного мира Бостонского университета» стали началом использования сравнительного подхода и нашего сотрудничества. Мне приятно ощущать себя частью оживленной молодой кафедры современных языков и сравнительного литературоведения Бостонского университета: Уильям Уотерс, Пэт Джонсон и Джина Шапиро оказали мне самый радушный прием на кафедре в 2010 году; коллегиальная атмосфера и повседневное сотрудничество с моими коллегами Кэти Йе, Сарой Фредерик, Китом Винсентом, Юн Сунь Ян, Хуан Вэйцзя, Анной Эллиотт, Сунилом Шармой, Маргарет Литвин, Уильямом Уотерсом, Питером Шварцем, Гизелой Хёхерль-Ольден, Эбигейл Гиллман и Робертом Ричардсоном принесли мне огромное удовольствие.

Я очень обязана тем, кто вызвался прочесть черновики отдельных глав, дал множество мудрых советов и внес необходимые правки: Льюису Куку, Кэтрин Гутцвиллер, Питеру Корницки, Вай-Йи Ли, Стивену Оуэну и Джеймсу Удену. Дэвид Дамрош и Денис Фини были бесконечно щедры, потратив свое время на то, чтобы прочесть и обдумать несколько редакций всей рукописи. Мне также помогли ценные обсуждения конкретных моментов рукописи с Харуо Сиранэ, Сато Митио, Коно Кимико, Каннотэ Акио, Ёсихара Хирото, Утида Миоко, Хатоока Акира, Ямамото Токуро, Синма Кадзуёси и Ван Юном.

Организаторы и слушатели лекций в Университете Колумбия, Университете Чжэцзян Гуншан (Ханчжоу), Университете Ка' Фоскари (Венеция), Университетах Кэйо и Мэйсэй (Токио), в Университете Принстона, в Гарвардском и Йельском университетах, в Гонконгском университете, Нитибункен (Киото), в Университете Кансай (Осака) и Бостонском университете дали богатую пищу для размышлений. А конференции и дискуссии на различных ежегодных собраниях AAS, ACLA и EAJIS¹ в Гарвардском университете, Фуданьском университете (Шанхай), Бостонском университете и Университете Цинхуа (Пекин) помогли мне поместить проект в новые границы знания и побудили к диалогу.

Я не смогла бы ничего завершить без спасательного круга, брошенного мне в ходе проекта различными библиотеками Гарварда, Колумбии, Принстона, Кэйо, Нитибункена и Университета Васэда (Токио). Я глубоко признательна за огромную помощь, которую оказали мне терпеливые библиотекари в этих разных местах. Они помогали книгами, материалами, улыбками и ежедневно хорошим настроением.

Публикация этой книги была бы значительно отсрочена, если бы не постоянная и эффективная помощь Сумиёси Томохико (Сидо: бунко, Институт восточной классики Университета Кэйо)

¹ AAS — Association for Asian Studies (Ассоциация азиатских исследований), ACLA — American Comparative Literature Association (Американская ассоциация сравнительного литературоведения), EAJIS — European Association for Japanese Studies (Европейская ассоциация японских исследований). — *Примеч. пер.*

и Ивасаки Юко в получении сложных разрешений на визуальные материалы. Джефф Хендерсон, Пол Тейлор (Институт Варбурга), Сэнди Пол (Библиотека Тринити-колледжа, Кембридж) и Питер Грин также значительно облегчили процесс получения разрешений. Я хочу выразить благодарность Дэниелу Почу и Дастину Диксону за их кропотливую помощь в вычитке текста. Я также искренне признательна Бонни Костелло и Центру гуманитарных наук Бостонского университета, которые щедро поддерживали этот проект, предоставив грант на подготовку публикации.

Эта книга не соответствует никаким четким дисциплинарным или тематическим категориям, принятым в издательском мире. Тем большее впечатление на меня произвела тщательная первоначальная проработка рукописи Стефаном Вранкой, который с энтузиазмом поддержал ее публикацию в издательстве Oxford University Press. Его широкий кругозор, острота суждений, творческий ум и образцовая работоспособность не перестают меня удивлять. Мне было очень приятно работать с его опытной помощницей Сарой Пировиц. И я благодарна Стэйси Виктор и Молли Моррисон за их неустанные усилия, которые были приложены в процессе подготовки этой книги.

Наконец, я бы хотела поблагодарить еще две непредсказуемые силы за их любезную помощь: анонимных рецензентов, которые оказали мощную поддержку этому проекту и предоставили чрезвычайно полезные и обширные комментарии, и нашего сына Саймона, который терпеливо ждал, пока мама закончит свою рукопись, прежде чем решительно погрузиться в этот удивительный мир.

Бостон, май 2013 года

Список иллюстраций

Илл. 1.1. Эпос Гомера как эллинистический учебник.

Гомер. Илиада. Песнь вторая, строки 172–210. Папирус из Тебтуни-са IV, Египет. © Библиотека Бэнкрофта, Калифорнийский университет, Беркли.

Илл. 1.2. «Беседы и суждения» как текст в японском учебнике.

Эта деревянная дощечка показывает начало конфуцианских «Бесед и суждений» с искаженным порядком слов. Вместо 子曰學而時習之 («Учитель сказал: изучать и вовремя применять на практике, (разве это не приятно)!») она читается 子曰學而習時. Ученые утверждают, что инверсия иероглифа 時 ‘время’ и 習 ‘учиться’ и отсутствие маркера объекта 之 ‘это’ (выученное) указывают на то, что писец произвел отрывок из «Бесед и суждений» на основе предположений о японском чтении китайских текстов при помощи специальных знаков (*кундоку*). © Токусима кэнрицу майдзо: бункадзай со:го: сэнта:. Сикоку, Япония.

Илл. 4.1. Эней и Ахат наблюдают строительство Карфагена.

Ватиканский Вергилий, начало V века. Vat.lat.3225.F 13recto © Ватиканская апостольская библиотека, Рим.

Илл. 4.2. Принц Сётоку читает лекцию о «Сутре львиного рыка».

Период Камакура, XIII век. Ханкю:дзи, префектура Хёго, Япония © Национальный музей Нары.

Илл. 4.3. Комментарий к «Лotosовой сутре», приписываемый принцу Сётоку.

Период Асука, начало VII века. © Управление Императорского двора Японии, Токио.

Илл. 5.1. Сакура во Внутреннем императорском дворце.

Гравюра на дереве Утагава Ёсику (1833–1904), изображающая визит сёгуна в императорский дворец в 1863 году. © Частный владелец.

Илл. 5.2. Остатки хижины Ромула?

Раскопки, обнаруживающие фундаменты построек в виде хижин, относящихся к VIII веку до нашей эры. Палатин, Рим. © Джованни Латтанци / ArchArt.

Илл. 5.3. Карта Киото периода Хэйан.

Илл. 5.4. Воображаемый план Рима.

Джованни Баттиста Пиранези (1720–1778). Из сборника гравюр «Римские древности» (*Le antichità romane*). © Кембридж, Тринити-колледж.

Илл. 6.1. Делакруа, очевидно, читал Геродота, который описывает, как скифы, варварские скотоводы, как он подчеркивает, готовят сыр из кобыльего молока. Художник не мог знать, что археология XX века обнаружит значительное количество эллинистической городской инфраструктуры на месте Древних Том.

Эжен Делакруа (1798–1863). Овидий среди скифов, 1859. © Национальная галерея, Лондон / Art Resource, NY.

Илл. 6.2. Митидзанэ прощается со своим красным сливовым деревом в Киото, когда отправляется в изгнание.

Свиток с изображением истории храма Тэндзин в Мацудзаки (Мацудзаки Тэндзин энги эмаки). Период Камакура, 1311. © Хофу Тэммангу, префектура Ямагути, Япония.

Илл. 7.1. Неакадемический Югири, когда он появляется в первоначальной «Повести о Гэндзи», но не в «Стихах о Гэндзи»: его ревнивая жена Кумои-но-кари подозревает его в том, что он читает письмо от своей возлюбленной.

Сцена со свитка с иллюстрацией к «Повести о Гэндзи». Поздний хэйанский период, XII век © Музей Гото, Токио.

Илл. 7.2. Госпожи Сатиры нигде не видно: хотя она была важным персонажем в сборнике Марциана, серьезные средневековые изображения прекрасно одетых дам Семи свободных искусств вместо этого сосредоточены вокруг Философии, Сократа и Платона.

«Семь свободных искусств» из «Сада наслаждений» (*Hortus deliciarum*) Геррады Ландсбергской (рукопись была создана в XII веке, сгорела в 1870 году). Из хранящейся в Метрополитен-музее копии издания К. М. Энгельгардта *Herrad von Landsperg, Hortus Deliciarum* (Штутгарт, 1818). Фото: Э. Г. К. Мензис (Creative Commons).

Введение

1. Относительный возраст культур

Как и люди, живущие в обществе, контактирующие культуры имеют относительный возраст. Социум может уважать жизненный опыт и мудрость пожилых людей или считать их реакционной обузой для общества. В свою очередь, молодость может быть благословенной фазой исключительной храбрости и создания чего-то нового, а может быть таким периодом в жизни человека, когда все сомнительное в нем — слепое невежество, необузданное либидо, пренебрежение, предающее забвению голос разума и мудрость опыта — пробивается наружу и угрожает культивируемым в обществе ценностям. Вне зависимости от конкретных образов молодости или старости, относительный возраст людей и культур определяется старшинством и уровнем положения среди других — своего рода неполноценностью, культурным и политическим капиталом, ожиданиями подъема и упадка, новизной и традицией. Молодость Соединенных Штатов Америки — наиболее яркий пример в современном мире, позволяющий нам ощутить драму относительного возраста культур. А в грядущие десятилетия экономический и политический тет-а-тет между молодой Америкой и одновременно молодым и старым Китаем не только окажется решающим для нашей повседневной жизни, но и станет грандиозным зрелищем для изучения относительного возраста культур и тех целей, которым он может служить.

Кажется, настал подходящий момент, чтобы перевести фокус на несколько тысячелетий назад и на отдельных примерах рассмотреть то, как в ранней Восточной Азии и античном Средиземноморье, в частности в Древней Японии и в Древнем Риме,

разворачивалась драма относительного возраста. В этой книге исследуется, как на писателей более молодых культур повлияло присутствие того, что мы будем называть древней «эталонной культурой». Как латинские и древнеяпонские авторы писали свою собственную литературу, опираясь на свои культурные модели — Грецию и Китай — и вопреки им? Как авторы более молодых культур отвечали на проблему заимствования иностранных образцов жанров и литературных форм, ораторской утонченности и поэтологической рефлексии, концептуального словаря и лексической изобретательности для написания своих произведений на другом языке и в рамках нового политического и культурного контекста? Как им удавалось балансировать между прелестями культурной самоколонизации, сулившей доступ в царство респектабельной утонченности и изысканности эталонной культуры, и стремлением к самоутверждению, подпитываемым культурной гордостью и напряженной борьбой за признание?

В отличие от сознания отдельных людей в обществе, конечно, не существует древнеяпонского или древнеримского коллективного сознания по отношению к более древним китайской или греческой цивилизации. Взгляды на эталонные культуры были многообразны и противоречивы, а политические и культурные конstellляции, образованные Китаем и Японией, с одной стороны, и Грецией и Римом — с другой, претерпевали существенные изменения на протяжении всех рассматриваемых в этой книге периодов: в Древней Японии в эпохи Нара (710–784) и Хэйан (794–1185), а в Древнем Риме — начиная с III века до нашей эры, периода Средней республики, до V века нашей эры, поздней Римской империи. В частности, греко-римская конstellляция кардинально изменилась за первые несколько веков после возникновения римской литературы. Ряд римских писателей III–II веков до нашей эры были греками или грекоговорящими жителями Итальянского полуострова, который стремительно становился центром власти в Средиземноморье: к I веку до нашей эры родина греков и многие эллинизированные регионы Средиземноморья оказались под властью Рима, и Греции пришлось сми-

риться с фактом подчинения тому, что когда-то было лишь примитивной формой политического устройства в италийском регионе Лаций, незначительном в общей системе могущественных эллинистических государств, доминировавших в Восточном и Западном Средиземноморье.

Греки не всегда были старшими в восприятии других. В диалоге Платона «Тимей» они были для египетских жрецов чем-то вроде невинных младенцев:

И тогда воскликнул один из жрецов, человек весьма преклонных лет: «Ах, Солон, Солон! Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!» — «Почему ты так говоришь?» — спросил Солон. «Все вы юны умом, — ответил тот, — ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, посевшего от времени»¹.

Так пожилой египетский жрец бранит Солона, одного из семи греческих мудрецов, когда тот приезжает в город Саис в Египте и почти ничего не может рассказать своим египетским хозяевам о греческом прошлом. То, что не может сделать грек Солон, делает египетский жрец: он раскрывает Солону славное прошлое Афин, утверждая, что Афины дали отпор могущественной династии с затонувшего острова Атлантида. Тем самым они спасли от порабощения Атлантидой не только самих себя, но и бóльшую часть Средиземноморья, включая Египет. Так, по мнению египетского жреца, Афины обладают славным прошлым, пусть сами греки его и не помнят. Это незнание объясняется тем, что, в отличие от Египта, где исторические записи сохранились в целостности и сохранности, Греция и остальной мир постоянно страдали от пожаров и наводнений, которые уничтожили все предыдущие письменные свидетельства о цивилизации. В «Тимее» старый

¹ καί τινα εἰπεῖν τῶν ἱερέων εὖ μάλα παλαιόν: ὃ Σόλων, Σόλων, Ἕλληνες αἰεὶ παῖδες ἐστέ, γέρων δὲ Ἕλλην οὐκ ἔστιν· ἀκούσας οὖν, ὡς τί τοῦτο λέγεις; φάναι. ὡς αἰεὶ ἐστέ, εἰπεῖν, τὰς ψυχὰς πάντες· οὐδεμίαν γὰρ ἐν αὐταῖς ἔχετε δι' ἀρχαίαν ἀκοήν παλαιὰν δόξαν οὐδὲ μάθημα χρόνῳ πολὺν οὐδέν.

Перевод на русский см. в [Платон 1994: 426]. — *Примеч. пер.*

Критий, которого Платон, возможно, создал по образу и подобию своего прадеда, рассказывает о том, как «иероглифическая запис» спасла от забвения неизвестное прошлое Афин.

Главным предметом обсуждения в «Тимее» является вопрос происхождения космоса, и рассказ Крития о событиях, случившихся с Солоном в Египте, лишь прелюдия к длинной истории рождения мира и человечества, изложенной философом Тимеем². Но эти два рассказа связаны между собой головокружительным сдвигом относительной временной шкалы, благодаря чему Платону удается дать Греции и Афинам древнюю родословную, несмотря на сетования египетского жреца об их детском неведении. Рассмотрим оптическую (или, может быть, «телетемпоральную»?) структуру рассказа Солона о его пребывании в Египте: в день праздника египетской богини Нейт, отождествляемой с греческой Афиной, египетский жрец весьма преклонного возраста рассказывает молодому Солону историю Афин, которую Солон впоследствии поведаст Критию-старшему, юному сыну своего друга; тот же самый Критий в возрасте 90 лет рассказывает ее своему десятилетнему правнуку Критию-младшему во время праздника, на котором проводятся состязания в декламации поэзии. Именно этот ребенок, Критий-младший, в старости пересказывает этот эпизод Сократу как участник платоновского диалога «Тимей». При щедром подсчете рассказ Солона о слишком молодых греках к моменту передачи его слушателям насчитывает примерно полдюжины поколений. Таким образом, пространно изложенная Платоном передача этого рассказа становится убедительным доказательством глубокой исторической памяти Греции, которая конкурирует с зерном истины в рассказе и как будто присуждает Египту приз за его мудрость и многовековое присутствие.

Замена, или аккуратная транспозиция, — один из ключевых приемов в «Тимее». В истории отражена динамика переноса между Египтом и Грецией, между городами богини Афины — Саисом и Афинами, между египетским жрецом и греческим мудрецом. Затем происходит перенос истории Сократа в историю,

² О сложной игре с истоками в диалоге см. [Sallis 1999].

рассказанную Критием: из «Тимея» мы узнаём, что Сократ всего за день до этого описал свое идеальное государство (в том, что известно как «Государство» Платона) и рассчитывал получить вознаграждение за свои усилия, убеждая своих собеседников применить его принципы идеального государства к конкретному городу; не случайно действие «Тимея» происходит в период проведения Панафинейских игр, ежегодного праздника в честь богини Афины, на котором Критий исполняет своего рода хвалебный гимн Афине и Афинам — городу, спасшему — о чем до той поры было неизвестно — мир от войны с Атлантидой.

Наконец, есть бесхитростное, на первый взгляд, замещение плохой подражательной поэзии на хорошую философскую платоновскую поэзию: Платон заменяет свои нападки на Гомера и поэзию как на «подражательное», обманчивое искусство, которые Сократ отстаивал в последней книге «Государства», восхвалением способностей Солона как поэта в «Тимее». Дед Крития утверждает, что Солон был бы более знаменит, чем Гомер или Гесиод, если бы только у него было время отобразить свой опыт жизни в Египте в поэзии. Хотя миф об Атлантиде захватывал воображение многих поколений читателей с тех пор, как в ранней Академии были написаны первые комментарии к нему, и сохраняется в нашей картине мира и сегодня, Платон является нашим единственным источником истории о Солоне и Атлантиде. То, что он излагает ее в философском диалоге, заменяющем поэзию, которую Солон не успел написать, демонстрирует нам то, что «Тимей» — это рассказ не просто об относительном возрасте культур, египетской и греческой, но и об относительном возрасте форм мудрости, более древней поэзии и более молодой философии.

Написанные Платоном «Тимей» и гимн Крития Афинам, в том виде, в каком они были извлечены из Египта, — это неустанно наводящая на размышления история и виртуозное упражнение в попытке «превзойти прошлым» своего соперника или, как описал это Э. Зерубавель, в попытке заставить одну традицию или культуру выглядеть старше других. В своей книге «Календарь Цезаря: Древнее время и истоки истории» Д. Фини мастерски прослеживает политику времени и «соперничества за старшин-

ство» в древнем Средиземноморье³. На первый взгляд, Критий считает, что Египет «превосходит прошлым» Афины, но, по Платону, Афины также «превосходят прошлым» Египет. «Превзойти прошлым» — это реакция на ощущение «исторической неполноценности», когда в результате культурного контакта приходит осознание того факта, что собственной культуре недостает той исторической глубины, которая доступна представителям более древней эталонной культуры.

2. Эталонные культуры

Мы будем использовать термин «эталонная культура» (*reference culture*) для описания той роли, которую сыграли в литературных культурах Древней Японии и Древнего Рима более древние культуры Китая и Греции. К сожалению, наш современный понятийный аппарат для описания кросс-культурных процессов часто не позволяет уловить важные характеристики китайско-японской и греко-римской культурных констелляций. Метафорические рассуждения о «материнской» и «дочерней» культурах, возможно, навеянные естественными науками, заставляют нас удивляться отсутствию *patria* (лат. 'родина') и в то же время сводят процесс активной культурной апроприации к процессу биологической репликации. Это способствует распространению давнего предрассудка о Риме и Японии как о культурах, лишенных творческой самостоятельности и оригинальности. Проклятие подражания в равной мере, хотя и не всегда эффективно, преследует исследования японской и римской культуры.

³ Фини, в частности, описывает, как синоптические таблицы в трудах Отцов Церкви Евсевия и Иеронима наглядно показывают, что еврейская и азиатская история простираются гораздо дальше в прошлое, чем языческая греческая и римская история [Feeney 2007: 29]. Вдохновенное исследование Д. Фини о том, как процесс синхронизации — соотнесения значимых событий в одной культурной среде со значимыми событиями в другой — создавал общую историю и общую культурную идентичность (а также конкуренцию за то и другое) в эллинистическом Средиземноморье и в Риме, может многое сказать о вопросе относительного возраста в целом.

Латинисты — это исследователи давно исчезнувшей империи, существовавшей на далекой территории (по крайней мере, для американских латинистов), и они являются частью глобального сообщества ученых в разных странах Европы и Северной Америки, каждая из которых имеет более или менее обоснованные национальные традиции изучения классической филологии и латинского языка. Споры о самобытности римской культуры или ее отсутствии кажутся частью поддразнивания между эллинистами и латинистами и проявлением профессиональной гордости, но едва ли они могут кого-то задеть всерьез.

Япония, напротив, является ныне действующим национальным государством, во главе которого по-прежнему стоит императорская семья, управляющая наследием непрерывной императорской традиции, предположительно насчитывающей более двух с половиной тысячелетий. Заявления о «японской уникальности» — интеллектуальная битва против предрассудков об отсутствии самобытности — сохранились с империалистического периода до послевоенной эпохи⁴. Японские ученые, выросшие в японском обществе и исследующие свою собственную национальную литературную традицию, косвенно подвержены влиянию родной культурной структуры и производят, без сомнения, самую большую часть исследований японской литературы в мире. Ученые за пределами Японии могут вносить свой вклад в богатую область «исследований национальной литературы» (*кокубунгаку* 国文学), но все же самым главным и авторитетным центром в области изучения японской литературы, без сомнения, остается сама Япония, а не транснациональные группы ученых, принимающих друг друга на равных, как это происходит в сфере классической филологии в Европе и Америке. Таким образом, проклятие подражания преследует латинистов в большей степени, чем японских литературоведов, которые могут естественным образом опираться на уверенность в своей национальной культуре. Но хотя термины «материнская» и «дочерняя» культуры

⁴ Анализ симптомов и последствий дискуссий о японской уникальности см. в [Dale 1986].

и звучат удобно и для тех и для других, они направляют наш взгляд на китайско-японскую и греко-римскую констелляцию не в ту сторону, предполагая пассивное и абсолютное принятие вместо осуществления активного и творческого заимствования эталонной культуры.

Авторы многих исследований, посвященных межкультурной коммуникации и аккультурации, опираются на понятия «исходная культура» и «принимающая/целевая культура», заимствованные из лингвистики и переводоведения. Применительно к переводу текста с исходного языка (ИЯ) на язык перевода (ЯП) эти термины удобны, поскольку относятся к двум конкретным лингвистическим и физическим объектам и к одному конкретному моменту времени, когда кто-то сознательно переносит, буквально или подойдя к процессу творчески, существующий исходный набор предложений на новый язык, создавая новый набор предложений. Однако, когда процесс лингвистического переноса метафорически применяется к *translatio* (лат. 'перенос') культуры, эти термины не могут описать то, что представляет наибольший интерес в процессе заимствования и освоения культуры. Нет какого-то одного источника или исходной точки, причем в двух смыслах: так, начиная с VII–VIII веков и позже, когда правители и элиты Японского архипелага стали моделировать свое государство по китайским и корейским образцам, никакого «исходного Китая» на самом деле не существовало. То, что они собрали о «Китае», было случайной смесью традиций, подхваченных из различных регионов, книг и людей в период раздробленности, в эпоху Шести династий (220–589) и в новой, этнически разнообразной многонациональной империи Тан (618–906). Однако, что еще важнее, то, что ранние японцы извлекали из потока ввозимых на архипелаг китайских книг и непосредственного опыта тех немногих японцев, которые посетили Китай, и то, что они затем выбрали, чтобы адаптировать для своих целей, на самом деле находилось еще дальше от какого-либо предполагаемого «исходного Китая». Не существовало единственного «исходного текста», от которого могли бы отталиваться «переводчики».

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru